

МЕЖДУ АДЛЕРОМ И ГАГРАМИ: ПОГРАНИЧНАЯ МАТРИЦА

Елена Никифорова

Елена Дмитриевна Никифорова. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований. 191040, Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 87, офис 301. elenik@bk.ru.

Что поразило меня в нашей поездке — так это количество разных границ, которые мы пересекли за время пребывания в приграничье. О некоторых из них — ниже.

СТОЯ НА ГРАНИЦЕ

Прежде всего, это государственная граница между Россией и Абхазией. В чем особенность этой границы? В том, что ее политическое содержание как разделительной линии между двумя суверенными независимыми государствами вызывает много вопросов. Как известно, суверенитет Абхазии не признан¹, большая часть населения Абхазии — граждане России, у государства есть свое правительство, но нет своей валюты, непонятно, как формируется бюджет и так далее. Де-юре граница остается территориальным рубежом между Россией и Грузией, де-факто по своему характеру и практикам пересечения сейчас она больше похожа на хорошо укрепленную в силу необходимости, но, тем не менее, *внутреннюю* границу, отделяющую непредсказуемую, но бесспорную зону влияния России, «почти Россию», от формально российских территорий.

Эта граница пока зарекомендовала себя как одна из немногих раздвижных границ на постсоветском пространстве, которой Россия могла манипулировать и которую могла закрывать и открывать по мере необходимости. Многие из новых российских границ уже стабилизировались, отражая стабилизацию ситуации внутри государств и отношений с Россией. Так, любые дискуссии об изменениях линии российско-эстонской границы либо ее статуса уже давно воспринимаются как исключительно риторический инструмент политической борьбы в обеих стра-

1 На момент поездки в Абхазию и написания эссе. К моменту финальной авторской редакции в сентябре 2008 года — уже признан Россией.

нах. Паспорта и визы розданы (по крайней мере, уже понятно, кто выбрал стратегию «лицом к границе», а кто — «спиной», пользуясь метафорой Эрхарда Штёртинга (1999), правила и процедуры, прописанные на бумаге, воплотились в проживаемые повседневные практики, приграничная жизнь вошла в накатанную колею. В Абхазии же, где государственность выглядит шаткой, от границы можно ожидать любых перемен. Потому и тема возможных изменений в состоянии и статусе границы, равно как и в статусе самой Абхазии, остается животрепещущей для обсуждения как на высоком политическом уровне, так и на кухне. Для нас это означает возможность исследования жизни границы в реальном времени, через живые рассказы ее «практиков» и «наблюдателей».

Абхазия, маргинал как в политическом, так и в экономическом смысле, вынуждена принимать советскую схему отношений с Россией, как колонии — с метрополией. Асимметричность в отношениях двух государств прописана в пространстве самой границы: пересекая ее, мы сразу понимаем, кто ведущий в этом союзе; техническая оснащенность и концентрация инфраструктуры на российской стороне бросаются в глаза. После долгого прохождения российской границы по закрытым разветвленным рукавам-коридорам, через помещение для досмотра вещей и, наконец, собственно пункта паспортного контроля, зеленые деревянные будки абхазцев кажутся скорее частью инсталляции «государственная граница», по определению предполагающей симметричную парность, чем серьезным рубежом. Создалось впечатление, что функция строгого фильтра в связке Россия-Абхазия делегирована российской стороне, что, в общем, не удивляет, если учитывать повышенные меры безопасности в России, особенно в отношении прибывающих с юга, унаследованные Россией советские модели охраны границ, а также ограниченность средств в Абхазии.

Кажущаяся необязательность, формальность, постановочность присутствия здесь абхазского поста подкрепляется и практиками пограничников. Я переходила границу четыре раза, и самая строгая проверка на абхазской стороне ограничилась пролистыванием паспорта (в отличие от российской стороны, однажды уделившей нам довольно много времени и профессионального внимания). В один из переходов мой паспорт вообще никого не заинтересовал, а коллективный переход в Абхазию нашей преимущественно женской группы вызвал у абхазских пограничников бурное веселье. Надо ли говорить, что такое поведение не очень соотносится с привычным (по крайней мере, для постсоветского человека, все еще тревожно замирающего на подходах к пограничному контролю) нормативным статусом государственной границы как формализованного дисциплинарного пространства, предполагающего отношения «ничего личного», территории, где властные позиции и роли строго определены, а демонстрация эмоций неуместна (в чем, пересекая разные границы, а в особенности границы нашей родины, мы все неоднократно убеждались).

По замечаниям исследователей, современные границы представляют собой асимметричные мембраны, выполняющие функцию фильтра, пропускающие одних и препятствующие другим. Почти все мы — европейской наружности, с российскими паспортами и преимущественно славянскими фамилиями, то есть прак-

тически не выделяемся из потока отдыхающих, желанных гостей, приносящих основной доход Абхазии. Потому, как показала практика, определять абхазский пост как фикцию, исходя только лишь из нашего опыта было несколько преждевременно. Пример коллеги, россиянки-петербурженки с грузинской фамилией, остановленной на границе, наглядно продемонстрировал, что абхазский кордон, на первый взгляд прозрачный, может стать труднопреодолимым барьером даже для тех, кто формально соответствует «разрешающим» критериям. Очевидно, абхазский пост нужен прежде всего для отсеивания проскользнувших сквозь российское «сито» потенциальных врагов абхазской государственности, в число которых, в первую очередь, входят подозрительные обладатели грузинских фамилий. В этом случае интересна игра смыслов на этой границе: будучи территориальной границей с Россией, по своим функциям она выступает не столько границей с Россией, сколько еще одной границей с Грузией или по крайней мере границей *против* официальной Грузии.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ И «ПОДРЫВНОЙ ЭКОНОМИКЕ»

Бауд и ван Шендел, голландские исследователи границы, использовали метафору жизненного цикла человека для описания становления границы и социальных отношений вокруг нее: у границы, отмечали они, есть биография, и можно выделить детство, отрочество и взрослый период (Baud and van Schendel 1997). Снова обращаясь к опыту хорошо известных мне прибалтийских границ, можно сказать, что там процесс взросления проходил стремительно и политическая биография у этих границ за последние пятнадцать лет сложилась весьма богатая. В случае границы между Россией и Абхазией (или абхазского участка российско-грузинской границы, как определяют эту границу некоторые информационные агентства) политическое взросление несколько затянулось. Зато в экономическом плане здесь все «по-взрослому». Функция границы как линии, разделяющей две территории с разным уровнем экономического развития и жизни, и института, контролирующего этот зазор, видна невооруженным глазом.

Описывая экономическую жизнь приграничья, антропологи Хейстингс Доннан и Томас Уилсон говорят о «подрывной экономике» (subversive economy) — неформальной экономике приграничья, функционирующей по своим законам и подрывающей действующие по обе стороны границы государственные правила и регуляции (Donnan and Wilson 1999). Любая граница в той или иной степени сопровождается развитой торговой инфраструктурой и экономическими отношениями. Даже в экономически симметричном приграничье оживленная экономическая деятельность и торговля — явление типичное, ибо всегда найдется что-то, что хотя бы немного дешевле на другой стороне, будь то водка, сигареты или бензин. В ассиметричных по развитию регионах значительная часть населения оказывается вовлеченной в нелегальные или полуполигальные экономические операции разного масштаба, и для многих граница и приграничная и трансграничная торговля часто являются основным (или даже единственным) источником дохода.

Экономическая зависимость Абхазии от России — общеизвестный факт. Даже единожды перейдя границу, можно прочувствовать ее экономическую значимость для социальной жизни приграничья и, очевидно, Абхазии в целом. Об этом красноречиво свидетельствует пространственное слияние Казачьего рынка в поселке Веселое на российской стороне и инфраструктуры границы². При этом рынок в Веселом, уличная торговля в Псоу на абхазской стороне и все торговые точки в Гагре представляют собой лишь видимую часть экономических отношений, инициированных границей и организованных вокруг нее. Все приграничье можно рассматривать как большое торговое предприятие с материальной, размещенной в пространстве оболочкой и с невидимой для непосвященных сетью формальных и неформальных отношений, связывающих воедино товар, покупателей, продавцов, перевозчиков, а также пограничные, таможенные и санитарные службы. Большинство абхазских предприятий не работают, и можно предположить, что на сегодняшний день граница является одним из самых крупных «работодателей» Абхазии.

Граница, как мы видели, порождает новые профессии и сферы занятости. Так, общая бедность и безработица вкупе с необходимостью переваливать большие объемы товаров через границу и сложной процедурой растаможки груза при автомобильных перевозках создали новую профессию — тачкиста-перевозчика. Перевести груз «на тачкисте» значительно проще и дешевле, чем на машине, и картины перевозки через границу разнообразных и разнокалиберных товаров служат тому подтверждением. Уже в первый переход границы мы наблюдали абсолютно колониальную сцену: две дамы, купившие диван, следовали за обливающимся потом тачкистом с означенным диваном, привязанным к тележке. Не то чтобы мы сильно удивились, но, в общем, не часто увидишь транспортировку диванов через госграницу в принципе, а тем более таким бесхитростным способом. Как нам потом рассказывали в Псоу, даже в мебельный магазинчик, расположенный рядом с границей на абхазской стороне, мягкую мебель завозят «вручную», на тачкистском горбу, не говоря уже о продуктах, доставляемых в маленькие магазины тачкистами и тачкистками прямо с Казачьего рынка. Хозяин сам закупает товары на рынке и там же нанимает тачкиста (или тачкистку) для перевозки. А максимальная загруженность тачки, как нам сообщали, достигает 300 кг.

2 Вообще важность контрольно-пропускного пункта «Веселое — Псоу» для абхазской повседневной и государственной экономики трудно переоценить. Практически все, что производится и потребляется в Абхазии, проходит через этот КПП, поскольку остальные пути — по воздуху, железной дороге, морю — остаются проблематичными. Железная дорога, связывающая Абхазию и Россию, открылась несколько лет назад, в то время как подходы по морю остаются фактически заблокированными Грузией. По свидетельству экспертов, если судно — любое, не обязательно российское — хоть раз заходило в Сухум, путь в грузинские порты ему в будущем заказан. Заход, допустим, в Поты почти наверняка означает арест парохода и большие проблемы у судовладельцев и фрахтователей. Поэтому торговые сделки на Сухум совершаются крайне неохотно, и судовладельцы, чтобы работать в Грузии, вынуждены впоследствии прибегать к разным ухищрениям, чтобы замаскировать «засветившееся» в Сухуме судно — менять название, регистрировать его под другим флагом и тому подобное (по ситуации на 2005 г.).

Женщина, тянущая тяжело нагруженную тачку, для этой границы явление нередкое. Война и режим послевоенного времени оказали большое влияние на гендерный порядок Абхазии. Многие семьи лишились кормильца в войну; те же, кто остался жив, в первые послевоенные годы оказались исключенными из трансграничных экономических потоков: российская граница была закрыта для мужчин из Абхазии.

Пока структурные условия границы (и ситуация в Абхазии в целом) только поддерживают существование такого рода занятости. Относительная открытость границы, в том числе и такая, казалось бы, не очень значимая для редкого «пересеченца» границы деталь, как отсутствие штампов в паспорте, позволяет тачкистам совершать многократные ходки на ту сторону. Известно, что на закрытых границах по несколько раз в день через границу особо не расходишься. Например, у жителей эстонской Нарвы, совершающих ежедневные походы в российский Ивангород за дешевыми товарами, паспорт заполняется штампами за считанные месяцы. В условиях абхазской границы — по крайней мере, пока — владельцы российских паспортов пересекают границу беспрепятственно, без ущерба для документов³.

ОБ АБХАЗИИ И ЕЕ ВНУТРЕННИХ ГРАНИЦАХ: ВОЙНА / РАЙ

Миновав все кордоны, мы оказались на абхазской стороне. Пятачок перед самой границей — точка тусовки незанятых тачкистов. Пришедшие из России с полными тачками товара, не задерживаясь, катят дальше, к стоянке маршруток и автобусов. Здесь снова царит оживление — но это уже оживление автовокзала: народ быстро загружается в автобусы и уезжает в сторону Сухума. 200 метров дальше по дороге — и после ярмарочно-вокзального шума и суеты неожиданно становится тихо и пустынно. Все, граница закончилась. Мы оказываемся на рядовой поселковой улице. Только действительно слишком пустынной. Многие дома без окон, а на стенах следы пожара. Для рая, как называет Абхазию Интернет, здесь что-то не очень-то радостно.

Пропасть, лежащая между двумя основными публичными репрезентациями Абхазии как, с одной стороны, территории войны и послевоенной нестабильности и, с другой — курортного рая, оказалась, пожалуй, самой трудной для пересечения символической границей в Абхазии (по крайней мере в моей отдельно взятой голове). Даже если бы я приехала сюда без исследовательской цели, однозначно определить это пространство как рай, пространство безмятежности и покоя, и наслаждаться этим раем, забыв обо всем, для меня было бы, наверное, невозможно. Разве только если сидеть на пляже и смотреть только на море и солнце, не отрываясь, все две недели отпуска, не глядя по сторонам, не слушая рассказы хозяев и ни в коем случае не заглядывая в местные газеты. Это граница между райской природой и социальной историей этих мест, и есть люди, повернувшие спиной к этой границе, а есть те, кто, как я и многие из нас, завис в пространстве «между».

3 По ситуации на осень 2005 года.

В Абхазии, как мы все заметили, ощущение, что война закончилась позавчера. Память о войне пока даже не надо особенно поддерживать, она пронизывает все уровни общества, ее транслируют как официальные СМИ, так и простые граждане. Часто по окончании военных действий государство-победитель старается пометить, застолбить отвоеванную территорию, закрепить доминирование через строительство «своих» мест памяти и таким образом переписать нарратив местности на свой лад. Памятный ландшафт в этом случае выполняет функцию каркаса, поддерживающего работу государственной идеологии по написанию героической истории нации. Публичные нарративы, создаваемые элитой, проецируются в пространство с двумя целями: создание мест памяти для консолидации идентичности своей группы и демонстрация господства над территорией своим внешним противникам. Примеров тому множество, достаточно вспомнить Трептов-парк в Берлине и многие другие мемориалы Второй мировой войны в Центральной и Восточной Европе, возведенные Советским Союзом.

В Абхазии также ведется активная работа по кристаллизации военной памяти в пространстве через памятники и памятные места. Первое, что мы увидели в гагрской школе, был стенд с фотографиями бойцов, погибших за свободу Абхазии, а с детства знакомый лозунг «Слава народу-победителю!» на улице Сухуми прославляет героев уже совсем другой войны. Кроме того, память о войне сейчас живет сама по себе на уровне семей, домов, соседства, хотя уже и организованная государством в матрицу памятных дат, праздников и дней поминовения. Память о войне вписана в ландшафт: в Абхазии любое заброшенное здание и неработающий лифт воспринимаются как памятник войне. Причем воспринимаются так в большей степени самими абхазами: как критически отмечается в одном из отчетов о посещении Абхазии на гагрском сайте⁴, экскурсоводы рассказывают о войне и экономическом неблагополучии сегодняшнего дня в логической и хронологической связке, словно исключая из нарратива послевоенные годы.

Нам, как и автору упомянутого отчета, такое объяснение разрухи показалось нелегитимным, несерьезным, как будто бы его срок годности давно истек. «Чем же они здесь занимались столько лет, если все в таком состоянии?» — спрашиваем мы, с удивлением разглядывая Абхазию в бинокль с высоты нашей башни из слоновой кости. Мы воспринимаем дату окончания войны буквально, для нас эта война закончилась более десяти лет назад, а для них она, очевидно, продолжается. И вообще нам, пришельцам из другого мира, управляемого другой рациональностью и экономически относительно благополучного, многое кажется здесь непонятным. Непонятно, как здесь что работает, в этом странном государстве. Кажется, что здесь действует другая шкала ценностей, в которой главным императивом хорошей жизни является «жизнь без войны на своей земле», а трудности послевоенного быта помогает пережить вера в национальную идею, питающуюся мифом

4 Здесь и далее в качестве исследовательского материала используются отчеты об отдыхе в Абхазии, размещенные на сайте «Гагра — наш рай. Сайт, посвященный Родине» по адресу gagra.narod.ru/tourism, доступные в декабре 2005 года.

о героизме защитников Абхазии и победе в войне (Ассман 2004)⁵. Потому из перспективы абхазского национализма оправдывать разруху войной как раз рационально. Нерационально было бы другое — объяснять экономическую разруху слабостью *своего* национального государства. В условиях хрупкого статус-кво критическое отношение к государственной власти, вероятно, пока невозможно. И ждать его, впрочем, особенно неоткуда, потому что все домашние интеллектуальные силы брошены на конструирование национальной идеи и выяснение отношений с Грузией. Главное, что государство в принципе — свое, *наше*, и что у него есть армия и оно способно защитить себя в случае агрессии, а насколько эффективно оно работает в социальной сфере — похоже, вопрос второй.

Еще о механизме конструирования памяти в Абхазии. Важно, что Абхазия — не просто территория, пережившая войну, но и курорт. Поддерживать устную память о войне в активном, живом состоянии помогают отдыхающие. Каждое лето, по крайней мере вот уже несколько лет подряд, Абхазия переживает нашествие приезжих, число которых превосходит население страны. И даже если представить, что любознательные антропологи-любители составляют среди них меньшинство, каждый житель прибрежной Абхазии рассказал свою личную историю войны, а также историю своей страны, не один раз. К абхазской ситуации, как и ко многим другим местностям, живущим туризмом, в известной степени применим хрестоматийный анекдот о деревне, в которой антропологов больше, чем жителей, и приезжают они каждый год, в результате чего все жители стали профессиональными информантами, неоднократно артикулировавшими свой опыт и выучившими свою память наизусть. Мы убедились в этом на примере наших хозяек, идеальных информантов, которые рассказывали про войну и про границу «с любого места» и без остановок на вопросы. Таким образом, можно заключить, что в Абхазии, помимо цикла официальных ритуалов коммеморации, обеспечивающих коллективное повторение и проживание прошлого, значительную роль в конструировании памяти и идентичности играет индивидуальное повторение, подпитывающее память группы «снизу».

ТЕРРИТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО РЯ

В пространстве меняющихся идентичностей памятниками прошлому, материализующими и консолидирующими идентичности, становятся не только локализованные монументы (точки, функционально призванные хранить коллективную память), но и более обширные территории: городские кварталы, целые города и местности. При этом в сравнении с внутренними землями окраины политических общностей могут занимать отдельное место в архиве памяти групп. Привычные к роли разменной карты в территориальных спорах, этнически и культурно

5 Ян Ассман (2004) определяет “миф” следующим образом: “Обосновывающие истории мы называем “мифом”. <...> Прошлое, закрепленное и интериоризированное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно независимо от того, фиктивно оно или действительно” (80).

гетерогенные, хранящие множество наслаивающихся и конкурирующих друг с другом историй, приграничные территории в эпоху перемен нередко становятся предметом особенно активного исторического поиска, а также площадкой для практической реализации разных политических интересов. Даже когда границы уже обозначены на местности, нанесены на карты и представлены в учебниках и туристических буклетах как данность, дискуссионная напряженность пограничья не исчезает. Оно еще надолго остается полем политических игр и преобразований и в силу этого — территорией с динамичной, меняющейся повседневностью для своих жителей.

Так, с момента обретения Эстонией независимости приграничная Нарва оказалась в фокусе разнонаправленных политик памяти. Политика городских властей и заинтересованных представителей национальной элиты, нацеленная на «ре-брендинг» Нарвы из советского пролетарского города в европейский и активно мобилизующая для этого довоенное прошлое города, формулировалась в противовес распространяемому эстонскими медиа образу города как отчужденного, проблемного пространства, места локализации внутреннего Другого, the Other within, территории памяти о советском присутствии.

Для многих жителей Петербурга и Ленобласти Нарва и особенно Усть-Нарва, курортный городок на берегу Финского залива, несут в себе совершенно иные смыслы. Нарва, разрушенная в войну, перестроенная и вновь заселенная, в советское время фактически функционировала как сателлит Ленинграда. Небольшой зеленый город в силу удачного расположения — вблизи Ленинграда, но и на территории «домашней заграницы» — пользовался популярностью у советских мигрантов и был ближайшей точкой закупки качественных эстонских товаров для жителей Ленинграда и области. У многих питерцев в Усть-Нарве были дачи, кто-то отдыхал в международном лагере или в санаториях на побережье. Сейчас все изменилось, и для многих граждан бывшего Советского Союза Нарва и Усть-Нарва — это фигура памяти, место, в которое нельзя (или трудно) вернуться, потому что «та Усть-Нарва» осталась в другом времени и в другом пространстве, ибо была ретерриториализирована «назад, в Европу».

Северное побережье Кавказа — тем более важное место памяти для коллективной советской идентичности. В советское время статус этих мест был очень высок: «Я помню, в 80-е годы там отдыхала наша элита, что туда попасть было невозможно, что там было лучше, чем за границей» (из отчета о поездке в Абхазию). Существующее в официальном дискурсе под номинацией «всесоюзная здравница», для советского человека побережье Кавказа означало пространство либерализации, лиминального опыта, территорию социальной и сексуальной свободы. Сообразно известной колониальной дихотомии, в противовес рутинизированному пространству дома («запада»), характеризующегося структурой, порядком и самодисциплиной, юг («восток») конструируется как пространство экзотичное, чувственное, импульсивное и оттого опасное. Причем конструируется таким образом как извне, так и изнутри: «Абхазия — территория любви», как повторял муж одной из наших квартирных хозяек с напрягающей, если не сказать пугающей, настойчивостью. И заглядывал в глаза.

Что характеризует экзотичное пространство Абхазии сегодня? Стабильности нет. Прописанных правил, твердых цен не существует. Все время необходимо вести переговоры, играть, импровизировать — социальное пространство оказывается очень подвижным, ускользающим, уходящим из-под ног и потому для многих дискомфортным. Это «дикое» пространство, с ним нужно коммуницировать, его нужно приручать, к нему нужно приспосабливаться: «мы приловчились варить в туалете по утрам овсянку (в туалете — потому что именно там стояла электроплитка, предназначенная для нагревания воды), сушить во дворе вещи и бегать на рынок в тихий час» (из отчета). Что и говорить, далеко не каждый готов потратить драгоценный отпуск на игры в «социолога в поле» и благодарно принимать микрокию туалета под кухню и наоборот.

Дикое пространство отличается еще и тем, что в нем размываются привычные границы приватности — достаточно вспомнить туалетную аранжировку ведерок, кастрюлек и ковшиков в наших гагрских квартирах и, в общем, глубоко приватные телесные практики, ставшие публичными по нужде. Интересно также, что многие гагрские квартиры (как, например, та, в которой жили мы) — это квартиры-трансформеры, где границы частного пространства хозяев легко перемещаются в зависимости от сезона. В разгар курортного сезона, когда в доме много отдыхающих, наша хозяйка переезжает на большую застекленную лоджию-веранду, которая и выглядит самым обжитым местом в квартире. Здесь уютно, так, как бывает уютно на аккуратных чердаках и верандах в дачных домах. Лежат стопками книжки, висят старые плакаты. В остальных помещениях квартиры минимум мебели, есть все необходимое, но ничего лишнего. Здесь практически нет культурного слоя, который мог бы рассказать о жизни владельцев квартиры: нет на виду книг, нет предметов комфорта, нет безделушек, которые обычно проникают в дом под видом сувениров или подарков. И на фоне этой пустоты фотографии мужа, погибшего на войне, особенно заметны. Это дом, принимающий гостей, но при этом одновременно частный военный мемориал. Здесь раньше жила грузинская семья, и эта квартира досталась хозяйке по распределению, как компенсация за смерть мужа. Обратите внимание на испорченный линолеум на полу в кухне — и она вам немедленно расскажет, как после войны колола дрова и топила буржуйку на четвертом этаже блочного девятиэтажного дома, и все соседи ходили к ней греться. Возможно, в этой квартире и можно прожить свои две курортные недели безмятежным отдыхающим, однако, как мне казалось, нельзя не услышать главную историю, которую рассказывает эта квартира — историю войны и трудного послевоенного быта.

Пространство Гагр очень разнородно, и можно предположить, что впечатления от города и курортный опыт сильно зависят от того, где устроиться на проживание — в многоквартирном доме в Новой Гагре или в частном секторе в Старой Гагре. Отдельная история, должно быть, санатории, которые выглядят анклавами стабильности внутри текучего пространства Абхазии, немногими дисциплинированными территориями, управляемыми писаным, а не обычным правом. Это пространство, тематизированное как пространство отдыха и здоровья и, вероятно, максимально очищенное от памяти о войне. В санаториях коммуникацию с мест-

ной средой можно при желании ограничить общением с обслуживающим персоналом (которому, как мимоходом отмечает один из отчетов, предписывается не досаждать отдыхающим разговорами). Здесь есть то, чего «не хватало в диком отдыхе», а именно — «комфорт, врач и охрана» (цитата из отчета).

Надо сказать, что для меня таким анклавом стабильности в «небезопасной» Гагре было интернет-кафе, как окно «из Абхазии в Европу», то есть в мир с понятными правилами, островок безопасности на темной, по-октябрьски ненастной улице Абазгаа, где, принимая от бармена в качестве угощения чашку чая или бокал шампанского, не думаешь: а этот, что он имеет в виду? А почему не думаешь? Потому что он — свой, он такой же, как ты, он живет в Интернете. Переступил порог кафе, и — «Все! Я в домике!». Здесь свое пространство, и думается, что здесь действуют *наши* правила, правила, которые разделяет группа таких же, как я. Интернет-кафе в Гагре представлялось мне таким гибридом постоянного двора и переговорного пункта советских времен, местом сбора современных номадов, которые здесь для того, чтобы совершить короткое путешествие в сети и на время вернуться домой из дальних странствий, а также обменяться «в реале» полезной информацией о перемещении в пространстве Абхазии с себе подобными. (Вспоминается, к примеру, доска с записочками, в том числе предупреждение ни в коем случае не пользоваться страшным и ужасным оператором GEO 38, который в два счета оставит вас без денег и связи.)

Вообще отношения Интернета и Абхазии, если можно так выразиться, было бы интересно рассмотреть поподробнее. В ситуации, когда в стране, живущей туризмом, нет баз данных мест возможного размещения, самый свежий путеводитель датирован концом 1980-х, а карты практически рисуют от руки и размножают на ксероксе, Интернет представляет собой один из главных источников информации⁶. Интересно также, что новые справочники по Абхазии не только распространяются через интернет-кафе, но и печатаются людьми, связанными с Интернетом. Кто это и где они, эти люди, продуцирующие дискурс Абхазии как рая, страны души? В условиях институционального вакуума и нестабильной экономической ситуации кто занимается оформлением и маркетингом туристического продукта «Абхазия»? Все это было бы интересно исследовать.

6 Накануне обострения ситуации на Кавказе в августе 2008 года в книжных магазинах Москвы появился первый путеводитель по Абхазии «Абхазия. Страна души». Путеводитель вышел небольшим тиражом, всего две тысячи экземпляров. Как комментирует это издание «Огонек» (2008):

В путеводителе подробно описаны наиболее интересные туристические маршруты, но есть там и довольно много полезных, специфических советов российским туристам, например: «Не залезайте в заброшенные дома, не сходите с наезженных дорог и нахоженных троп в тех районах, где шли боевые действия. Не шатайтесь в темное время за пределами населенных пунктов». Символично и название издательства, выпустившего путеводитель — «Партизан» (31).

Это эссе было написано в ноябре 2005-го, по горячим следам поездки в Абхазию. Я перечитываю его осенью 2008 года и понимаю, что если тогда ответ на последний вопрос был для меня неочевиден, сегодня картина много ясней. 18 июля 2008 года медиахолдинг «Newmedia Stars», включающий в себя газету «Взгляд», сайты Russia.ru и Дни.ру, объявил Днем Абхазии в российском Интернете. По информации газеты «Взгляд», «непризнанная республика стала первой героиней цикла “Моя Россия”, который запускает канал Russia.ru» (Казумова 2008). Объяснение продюсера, почему сюжет про Абхазию стал первым в цикле видеороликов, призванных познакомить интернет-аудиторию с российскими городами, до наивности просто:

Вы спросите, почему первая Абхазия? [...] Здесь нет никакой политики, просто так вышло, что ролики оттуда были смонтированы раньше других. Когда я их смотрел, то вспомнил свое детство, как отдыхал с мамой в Гаграх. Почему мы решили сделать Абхазию частью проекта «Моя Россия»? Потому что эти кадры, от которых мы не смогли оторваться, прислали нам наши сочинские операторы (Там же).

Зазывающие видеосюжеты с текстами типа «Приезжайте! У нас все хорошо!», выложенные на сайте, не позволяют обмануться в цели акции. Еще до событий августа 2008 года летнее обострение на Кавказе отпугнуло отдыхающих, и только что развернувшийся и набравший кредитов курортный бизнес Абхазии, за которым стоят прежде всего российские финансовые интересы, стал нести серьезные убытки. Помимо этого пояснительный текст интернет-страницы и содержание видеороликов позволяют предположить, что ностальгия «по всему советскому», рассеянная в пространстве бывшего СССР, имеет шансы обрести наконец свое материально-пространственное воплощение, территориализироваться в Абхазии. Очевидно, ностальгии, являющейся ныне популярным общественным настроением и важной составляющей современной российской идеологии, необходимы не только воспоминания, но и целые пространства, позитивизирующие советский опыт. Из высказываний местных жителей, как представленных на Russia.ru, так и услышанных нами в Абхазии, вырисовывается образ Абхазии как, возможно, единственной из национальных периферий бывшего СССР, где в оценках советского опыта (как будто бы) нет принципиальных разногласий. О советском времени, когда жизнь на побережье была ключом «и все жили дружно», вспоминают, кажется, с единодушным сожалением. Портал Russia.ru тоже считает важным подчеркнуть, что «Абхазия — республика, не желавшая выходить из состава СССР», в которой сохранилось «все лучшее, что было в Советском Союзе — доброжелательность, учтивость, искренняя приветливость» (Абхазия. Независимость 2008).

Так что же тогда такое граница России с Абхазией? Место, где Россия граничит с Советским Союзом? А еще где геополитическое воображение России граничит со — страшно сказать — геополитическим воображением США?

И теперь, уже в сентябре 2008 года, думается, а вдруг «наши», к примеру, се-

вастопольские операторы тоже не подкачают и пришлют Russia.ru достойные кадры про Крым, без которого проект «Моя Россия» выглядит очевидно неполным. Вот пришлют, а потом... да мало ли что...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абхазия. Независимость. Часть 1 [видеоролик]. www.russia.ru/video/abhaziya_nezavisimost_chast_1. Просмотрено: 25.1.2010.
- Ассман, Ян. 2004. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры.
- Казумова, Эмилия. 2008. День Абхазии в Интернете // *Взгляд. Деловая газета*. 18 июля. www.vz.ru/society/2008/7/18/187934.html.
- Огонек. 2008. [без автора] Досье // *Огонек*: 31: 29.
- Штётлинг, Эрхард. 1999. Социальное значение границ / Пер. О. Бредниковой // *Кочующие границы: материалы международного семинара* / Под ред. Ольги Бредниковой и Виктора Воронкова. СПб.: Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 7: 5–8.
- Donnan, Hastings, and Thomas M. Wilson. 1999. *Borders: Frontiers of Identity, Nation and State*. Oxford; New York: Berg.
- Michiel, Baud and Willem van Schendel. 1997. Toward a Comparative History of Borderlands // *Journal of World History*. Vol. 8. 2: 211–242.